

В. В. Казаковская

ПРОИЗВОДНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В РУССКОЙ ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Обсуждаются особенности словообразования имен существительных в ранней детской речи. Выводы основываются на анализе диалогов двух русскоязычных типично развивающихся детей и их взрослых собеседников. Установлено, что в процессе усвоения морфемно богатого языка аффиксация предшествует словосложению, а наиболее частотными являются отсубстантивные суффиксальные дериваты. Степень семантической и морфемной сложности дериватов увеличивается к концу периода наблюдений. Отмечено влияние инпута.

Ключевые слова: речь ребенка, лингвистический инпут, словообразование, имя существительное, дериват, семантическая категория, спонтанная речь, диалог.

V. Kazakovskaya

NOMINAL DERIVATIVES IN RUSSIAN CHILD SPEECH

The features of early nominal derivation in Russian are discussed. The results obtained are based on longitudinal corpus data of spontaneous dialogues of two typically-developing Russian-speaking children with their main caregivers. It was found that in the course of acquisition of the morphemically rich language, affixation preceded compounding and denominal suffixal derivatives were the most frequent. Cognitive complexity of derivatives increased by the end of the observation period. A significant influence of input was noted.

Keywords: child speech, child-directed speech (input), word formation, nouns, derivative, semantic category, spontaneous speech, dialogue.

Вступительные замечания

Дериваты обладают более сложной морфемной структурой, по сравнению с симплексами — непроизводными лексемами. Их усвоение связано с лингвистическим инпутом (обращенной к ребенку речью взрослых) и сопряжено с когнитивным развитием. Между тем до настоящего времени нормативные дериваты в речи детей и их взрослых партнеров по диалогу не подвергались систематическому изучению — ни по данным дневниковых наблюдений*, ни по данным спонтанной речи, а наши знания о когнитивных основаниях регулярной деривации базируются на немногочисленных экспериментах с детьми более старшего возраста (см., в частности, [10]). Сказанным определяется цель работы — исследование словообразовательных процессов в сфере имен существительных на ранних этапах речевого онтогенеза.

Материал русского языка — морфологически и морфемно богатого — предоставляет уникальные возможности для подобного анализа и позволяет продвинуться в решении целого ряда дискуссионных вопросов, стоящих перед современной онтолингвистикой. В частности, активно обсуждаются вопросы о том, каким образом усваиваются дериваты: как лексикализованные единицы [14, с. 176; 18, с. 45] либо через овладение механизмами аффиксации [12, с. 425–439]. В качестве критерия «усвоенности» ребенком той или иной модели (способа образования, аффикса) долгое время считалось наличие в его речевой продукции соответствующей инновации (окказионализма, неологизма). Но еще А. Н. Гвоздев подчеркивал, что далеко не все «совпадающие с общепринятым языком» дериваты заимствуются ребенком в «целом, готовом виде» из окружающей ре-

чи [1, с. 460]. Проблема заключается в том, что это сложно доказать. На наш взгляд, одно из доказательств лежит в расширении критериальной базы продуктивности, с одной стороны, и в привлечении к анализу репрезентативных данных не только спонтанной речи ребенка, но и получаемого им инпута — с другой.

Кратко охарактеризовав языковой материал и описав дизайн исследования, мы представим полученные результаты и ответим на вопросы, стоявшие перед нами. В частности, каково соотношение дериватов и симплексов в речи обоих партнеров по диалогу? Каким образом изменяется количество дериватов к концу периода наблюдений? В каком направлении развиваются деривационные процессы? Влияют ли качественные и количественные особенности словообразовательного аспекта инпута на становление данного компонента системно-языковой компетенции ребенка?

Корпус данных. Результаты основываются на анализе «экологически чистого» языкового материала — полуторалетних лонгитюдных наблюдениях за коммуникативным взаимодействием «взрослый — ребенок». Дети — типично развивающиеся русскоязычные монолингвы раннего возраста; их основные собеседники — молодые мамы, студентки гуманитарных факультетов ведущих университетов Санкт-Петербурга. Социально-экономический статус семей — средний.

В целом объем аудио- и видеозаписей спонтанной речи составляет более 30 часов, содержащих около 74-х с половиной тысяч словоупотреблений. В таблице 1 представлены характеристики подкорпуса «детская речь».

Для последующих рассуждений важно, что, несмотря на различие в общей продолжительности записей и количестве словоупотреблений в каждом из корпусов, процент существительных в речи обоих детей сопоставим.

Методика анализа. Используемые записи были расшифрованы, затранскрибированы и морфологически закодированы в соответствии с правилами международной системы обмена данными детской речи CHILDES [17]. Пользуясь случаем, выражаю глубочайшую благодарность всем, кто собирал и обрабатывал языковой материал, но особенно — Т. В. Прановой, К. А. Ивановой и М. Д. Воейковой. Морфемная разметка существительных выполнена автором.

Далее полученные подкорпусы — речь детей и обращенная к ним речь взрослых — были проанализированы в следующих аспектах: 1) соотношение производных и непроизводных существительных на протяжении периода наблюдений; 2) последовательность появления способов образования дериватов и их моделей; 3) словообразовательные особенности базовых моделей (в частности, характер производящей основы и семантика средств)**.

Таблица 1

Языковой материал: речь детей

<i>Дети</i>	<i>Продолжительность записей (часы)</i>	<i>Возраст детей (год, месяц)</i>	<i>Общее кол-во словоупотреблений (tokens)</i>	<i>Кол-во существительных (tokens)</i>	<i>Доля существительных в общем кол-ве словоупотреблений (%)</i>
Кирилл	5	1,8–3,0	5769	1518	26
Филипп	28	1,5–2,8	16486	3803	23
Всего	33		22270	5321	

Вместе с тем учитывалось лексическое и грамматическое разнообразие дериватов, а также их частотность в речи. Специально фиксировалась доля новых (то есть впервые употребленных ребенком) производных существительных и их последующих повторов. Наконец, принималась во внимание продуктивность обнаруженных в нашем материале моделей и морфемных средств в современном русском языке [6]. Подчеркнем, что получаемый ребенком инпут (здесь и далее речь пойдет о его словообразовательном компоненте) и его соотношение с речевой продукцией ребенка (*input vs. output*) привлекаются к обсуждению впервые.

Полагаем, что критериями усвоения деривата — помимо имеющихся в речи ребенка инноваций — можно считать а) продуктивность, предполагающую использование служебной морфемы более чем с одной производящей основой, наличие словообразовательной пары «производящее — производное», цепи и — шире — гнезда; б) разнообразие суффиксов, служащих выражению определенной семантики; в) степень семантической сложности, базирующейся, в свою очередь, на сложности когнитивной. Для определения степени продуктивного употребления сложных слов (композигов) существенно более раннее использование словообразовательных морфем с однокорневыми дериватами и употребление компонентов (членов) композита в качестве отдельных слов [13].

Результаты и их обсуждение

1. Соотношение производных и производных лексем. Объем дериватов-существительных (*tokens*) в речи Кирилла составляет около 12% и в речи Филиппа — 31% (табл. 2). Отмеченное расхождение не представляется значительным в сравнении с преобладанием симплексов в речи детей в целом. Доля новых дериватов в общем количестве существительных в речи мальчиков сопоставима (8% и 12%), однако различается в отношении объема производных существительных: в речи Кирилла численность новых дериватов превышает их повторы.

Объем дериватов-существительных в детской речи увеличивается к концу периода наблюдений. Развитие деривационных процессов (и тем самым освоение аффиксации) сопровождается так называемыми пиками, или взлетами (см. *spurt*), в употреблении производных слов, что отчетливо демонстрирует диаграмма (рис. 1).

Тот факт, что различные дериваты появляются не одновременно, а постепенно (несмотря на то, что в инпуте все модели и средства представлены уже в самых ранних записях, см. ниже), свидетельствует, на наш взгляд, о постепенном развитии (и, соответственно, последовательном постижении ребенком) деривационных механизмов, нежели о слепом копировании речи взрослых или имитации, хотя и ее роль в процессе усвоения языка умягчать не следует.

Таблица 2

Именные дериваты в речи детей (*lemmas/tokens*)

Дети	Существительные	Дериваты	Доля дериватов (%)	Новые дериваты	Доля новых дериватов в их общем количестве (%)	Доля новых дериватов в общем количестве существительных (%)
Кирилл	580/1518	89/176	15/12	70/128	79/73	12/8
Филипп	874/3803	575/1168	66/31	280/456	49/39	32/12

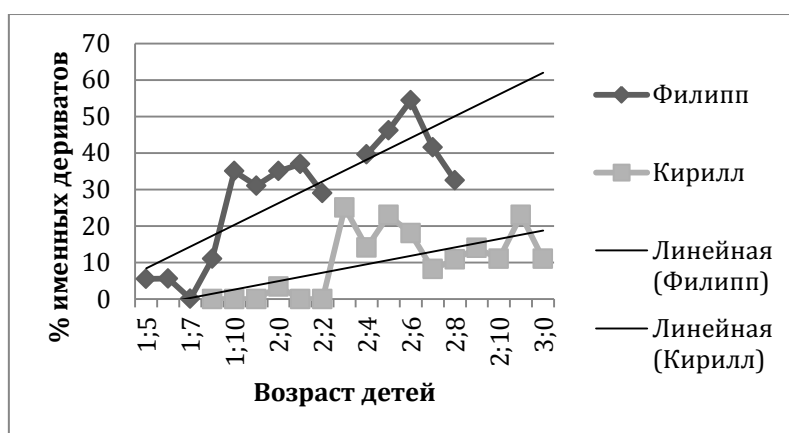

Рис. 1. Распределение дериватов (% от общего количества существительных)

2. Последовательность появления способов образования именных дериватов и их моделей. В речи наших маленьких информантов именная аффиксация начинает развиваться очень рано. Первые дериваты зафиксированы в середине второго года жизни в речевой продукции Филиппа (например, *дыр+к(a)*) и в два года в речи Кирилла (например, *бег+ун*). В обоих случаях доля производных слов в общем количестве лемм и их употреблений (в анализируемой записи) мала: она составляет соответственно 7 и 3% в речи Кирилла, 11 и 5,5% — Филиппа. Словоизменение (наличие хотя бы еще одной грамматической формы у деривата) в это время отсутствует. По сравнению с Филиппом, Кирилл «задерживается» с началом использования производных существительных, активно употребляя детские номинации (см. *child-specific forms*) — в том числе протослова и редупликации — для обозначения разного рода транспортных средств и представляющих их игрушек: *тсятa* ‘машинка’ 1,8, *дюн-дюн* ‘BMW’ (марка автомобиля) 1,10, *фуфун* ‘лошадка’ 1,8. При этом в его лексиконе зафиксировано больше сложных слов, также сначала представленных редупликациями: *кын-кын* ‘фотоаппарат’ 1,9 [15]. В целом употребление обоими детьми дериватов определенно предшествует употреблению композитов, а следовательно, собственно аффиксация пред-

шествует словосложению: *магнит+о+фон* 1,11, *пар+о+ход+ø* 2,0 (в речи Филиппа); *сам+о+с/вал+ø* 2,5, *бетон+о+меш/а/лк(a)* 2,5 (в речи Кирилла).

Освоение именного словообразования в сфере существительных начинается с продуктивных для языковой системы моделей и, как будет показано ниже, поддерживается инпутотом. Такими базовыми моделями являются «имя (сущ./прил.) + аффикс(ы)» (*зуб+ок* 1,8, *ноч+ник* 2,4 (ср. *пра+дед* 2,4); *черн+ик(a)* 2,7) и «глагол + суффикс» (*по/дар+ок* 2,4, *вод/и+тель* 2,6). Как показывает таблица 3, самой частотной оказалась отсубстантивная модель «существительное + суффикс»: *книж+к(a)* 2,3 (см. также многочисленные примеры ниже).

В данном случае важно, что деривационные механизмы начинают развиваться внутри одного и того же лексико-грамматического класса слов, см. [2, с. 93]. Подчеркнем также, что производящие основы для первых дериватов уже присутствовали в речевой продукции детей (*Филь+к(a)* 1,6 > *Фил(я)* 1,5; *ноч+ник* 2,4 > *ночь* 2,2), а рабочая морфема — суффикс — использовалась Филиппом с несколькими основами. Однако наш языковой материал свидетельствует и о том, что симплекс может появиться в речи ребенка одновременно с дериватом (например, *дыр+к(a)* 1,5 > *дыр(a)* 1,5; *кот+енок* 1,8 > *кот* 1,8) либо позже (*птич+к(a)* 1,6 > *птиц(a)* 1,8) [4, 16].

Модели именных дериватов в речи детей (*lemmas/types/tokens*)

	<i>Кирилл</i>	<i>Филипп</i>
1. Сущ. + аффикс	34/40/72	244/288/408
а. Сущ. + суффикс	32/38/70	244/288/408
б. Префикс + сущ.	1/1/1	0
с. Префикс + сущ. + суффикс	1/1/1	0
2. Глагол + суффикс	19/20/33	29/30/35
3. Прил. + аффикс	3/3/3	7/7/13
а. Прил. + суффикс	3/3/3	5/5/10
б. Преф. + прил. + суффикс	0	2/2/3
Общее количество	56/63/108	280/325/456
Доля 'сущ. + аффикс' (% от всех именных дериватов)	64/67/69	87/89/89,5

Таблица 4

Аффиксы именных дериватов (кумулятивно для обоих информантов)

<i>Модели</i>	<i>Кол-во аффиксов</i>	<i>Порядок появления</i>
1. Сущ. + аффикс(ы)	30	
а. сущ. + суффикс	28	к, ан(ь), ок, ик, уш, ух, ник, ут, чик, ек, иц, ен(ь)к, ушк, ышк, очк/ечк, ц, их, ул(ь), есс, н(ь), инк, ав, овн, ич, альон, овин
б. префикс + сущ.	1	Пра
с. преф. + сущ. + суффикс	2	под & ник
2. Глагол + суффикс	18	к, ак, ø, (е)н(и)j, д, л, унок, ух, лк, шк, в, ниц, ун, щик, (ен)ок, тель, (а)нк, тв
3. Прил. + аффикс(ы)	8	
а. прил. + суффикс	7	ак, ыш, иц, ость, ик, атин
б. преф. + прил. + суффикс	2	под & ик

3. Словообразовательные особенности моделей: производящие основы и семантика морфем. Наиболее ранним и распространенным способом образования именных дериватов в речи детей выступает суффиксация. К концу периода наблюдений их «морфемный репертуар» выглядел весьма внушительно: он насчитывал в среднем около 50 суффиксов и отдельные префиксы (*пра-*, *под-*). Таблица 4 дает представление о том, каким образом распределены аффиксы в рамках каждой модели и в каком порядке они появились в речи детей.

С помощью суффиксов в рамках упомянутой выше отсубстантивной модели образуется целый ряд так называемых семантических категорий дериватов. В частности, на втором и в начале третьего года жизни отмечены диминутивы (*птич+к(а)* 1,6, *тет+еньк(а)* 1,11, *коров+ушк(а)* 2,0; ср. *дет+ик²**** 1,10), номинации лиц/зоонимов женского пола (*внуч+к(а)* 2,3, *еж+их(а)* 2,2) и детенышей животных (*кот+енок* 1,8, *мыш+онок* 1,10), сингулятивы (*морков+к(а)* 2,2), а также стилистические (разговорные, по [6, с. 183]) модификации существительных (*мам+к(а)* 1,6, *картош+к(а)* 2,1). Впо-

следствии происходит пополнение этих групп новыми лексемами и увеличение морфемных средств, выражающих соответствующую семантику: *копыт+ц(е)* 2,8, *принц+есс(а)* 2,6, *медвед+иц(а)* 2,8, *изюм+инк(а)* 2,7, *штук+овин(а)* 2,8, *баббл+ик?* 2,9. В рамках данной модели отмечено наибольшее разнообразие аффиксов; самыми широкими возможностями для реализации семантики располагают, безусловно, диминутивы (см. также [19]).

Зафиксированные в основном после 2,6 девербативы («глагол + суффикс») обозначали действие или его результат (*леп+к(а)* 2,6, *отраж+ениц(е)* 2,6, *вним/а+ниц(е)* 2,8, *работ(а)* 3,0), называли производителя действия (*паст+ух* 2,4, *гон+щик* 2,4, *иск/а+тель* 2,10), инструмент (*эваку+атор* 2,11, *миг/а+лк(а)* 3,0) и место (осуществления) (*мель+ниц(а)* 2,7, *о/стан/ов+к(а)* 2,8, *стој/а+нк(а)* 3,0).

Немногочисленные деадъективы («прилагательное + аффикс(ы)»), представленные двумя моделями — суффиксальной и префиксально-суффиксальной, — выражали качественную семантику (абстрактные имена типа *глуп+ость* 2,8) либо называли характеризующиеся ею лица (*гряз/н+ул(я)* 2,1), предметы (*под+орех/ов+ик* 2,1, *груз/ов+ик* 2,4, *черн+ик(а)* 2,7, *под+гузн+ик* 2,9), места (*боль/н+иц(а)* 2,9).

Сопоставительный анализ семантических категорий ранних дериватов выявил некоторую последовательность их появления в речи детей (далее будет представлено время первой фиксации деривата в каждом корпусе). Так, после диминутивов и стилистических модификаций (1,5–2,3) появляются номинации лиц женского пола (1,6–2,3), детенышей животных (1,8), действий (1,7–2,0), агенсов (1,8–2,0), сингулятивов (2,1–2,5), результатов действий (2,4) и инструментов (2,4–2,5). Производные слова, обозначающие лиц мужского пола (2,4), профессии и/или виды деятельности (2,4–2,6), а также дериваты с локативной (2,6) и качественной (2,8–2,9) семантикой завер-

шают список категорий, отмеченных в детской речи до 3 лет.

Частотность дериватов, принадлежащих различным семантическим категориям, различается. В сфере так называемых ранних категорий (отмеченных в период 1,5–2,5) наиболее часто употребляются отсубстантивные диминутивы, стилистические модификаты имен, названия лиц женского пола и детенышей. С меньшей частотностью в это время используются сингулятивы, названия лиц мужского пола и девербативы. В числе последних — номинации процесса и/или его результата, агенса, инструмента. «Поздние» категории (2,6–3,0) представлены девербативными названиями профессий и/или видов деятельности, локативами и деадъективными номинациями качеств.

Используя иные классификационные подходы, мы могли бы сказать, что в сфере дериватов — имен неодушевленных, охватывающих номинации разного рода объектов, наблюдается следующее направление (вектор развития): от дериватов с семантикой самой широкой предметности к дериватам в ее более узкой специализации — сингулятивам и/или инструментам. В сфере одушевленных существительных после названий лиц (женского пола) появляются обозначения детенышей животных, производителей действия и, наконец, лиц мужского пола.

Таким образом, объекты и субъекты предшествуют действиям/процессам (а также результатам, инструментам, локативам), а конкретные существительные — абстрактным. Дети «начинают» с дериватов, обозначающих лица и предметы; номинации процессов и качеств появляются позже. Это оправдано, в свою очередь, степенью семантической (когнитивной) и морфемной сложности деривата, имеющего как минимум на одну сему больше соответствующего симплекса. Например, отсубстантивные дериваты суффиксального типа с уменьшительной и/или ласкательной семантикой доступны ребенку с сере-

дины второго года жизни (*зай+к(а)* 1,6, *автобус+ик* 1,8; ср. *пар/о/воз+ик* 1,9, *жуч/оч+ек* 1,10), тогда как номинации качеств и/или их носителей (обладателей) начинают спорадически появляться лишь в конце третьего (*глуп+ость* 2,8).

Развитие продуктивности дериватов происходит вместе с появлением первых грамматических — падежно-числовых — форм. Так, в 1,10 в речи Филиппа были отмечены первые словообразовательные цепочки (пары имелись ранее), окказиональный диминутив и новая разновидность суффиксации (нулевая).

Кратко характеризуя менее частотные в речи детей композиты, упомянем, что в данной сфере первыми появляются модели, которые не только продуктивны для языковой системы, но и «прозрачны» в морфосемантическом отношении (см. *morphosemantic transparency*) [15] (в ср. с одним из композитно богатых языков см. [11], с речью нетипично развивающихся русскоязычных детей — [5]). Ранние русские композиты могут быть описаны как сложные слова-эндоцентрики с главным компонентом — существительным (*фотоаппарат* 2,1, *зоопарк* 2,3) либо глаголом (*вертолет* 1,8, *паровоз* 2,2). Обычно главный компонент занимает финальное положение в слове (см. *right-headed compound*) и соединяется с зависимым компонентом интерфиксом *-o-* (значительно реже *-e-*). Как видим, существительное и глагол в качестве главных членов композита лидируют при словосложении так же, как они главенствуют в качестве мотивирующих основ при аффиксации. В большинстве случаев процесс сложения основ (главная из которых зачастую глагольная) сопровождается нулевой суффиксацией: *сам+o+лет+ø* 2,0, *мух+o+мор+ø* 2,2. В числе основных семантических групп, представленных ранними детскими композитами, находятся агенс, инструмент и локатив. Главным образом это номинации неодушевленных объектов (чаще всего транспортных средств

и/или аналогичных им игрушек): *пароход* 2,0, *бетономешалка* 2,5, *самосвал* 2,5.

Таким образом, к особенностям словообразования существительных на ранних этапах усвоения русского языка можно отнести: а) предшествование аффиксации словосложению, б) предшествование и доминирование суффиксации, в) преобладание деривации, не меняющей частеречной характеристики производного слова, г) предшествование так называемых простых дериватов сложным — образованным от других дериватов или композитов.

4. Словообразовательный аспект инпута. Предварительный анализ инпута показал, что в речи взрослого, обращенной к маленькому ребенку, количество используемых именных дериватов значительно уступает количеству симплексов. Так, в корпусе «Кирилл» оно составило четверть всех существительных, но оказалось вдвое больше отмеченного в речи мальчика.

Дистрибутивный анализ выявил последовательное увеличение доли дериватов в инпуте, что коррелировало с данными детской речи (см. выше). Вместе с тем были обнаружены пики в использовании дериватов: одновременный — в 2,3 и последовательный — в 2,10–2,11. Симптоматично, что этот же процесс затронул и функционирование композитов, при этом оба пика (2,5; 2,11) в речи мамы и ребенка совпадали по времени. Подобные периоды значительного увеличения частотности того или иного языкового средства не только указывают на влияние инпута, но и проливают свет на механизмы так называемого подстраивания (*fine-tuning*) взрослого. В настоящее время это мало изученные, однако весьма существенные для усвоения языка ребенком процессы [20].

В целом мама Кирилла использует около 70 различных аффиксов, семантические категории дериватов в ее речи весьма разнообразны. Например, уже в первой записи (1,8) было обнаружено 11 семантических

групп, число которых впоследствии не увеличилось. Это не дает возможности проследить какую бы то ни было поступательную динамику их появления в инпуте, однако анализ частотности моделей дериватов проливает свет на их последовательность усвоения ребенком. Мы установили, что частотность в использовании взрослым той или иной модели и морфемы влияет на скорость ее усвоения ребенком: наиболее

частотное имеет более высокий шанс попасть в речь ребенка (табл. 5).

Наконец, корреляционные отношения были выявлены между сематическими группами новых дериватов в речи матери и ее ребенка (табл. 6). Корреляция оказалась статистически значимой как для разнообразия производных лексем (*lemmas*, $p \leq 0.01$), так и для частотности их употреблений в речи (*tokens*, $p \leq 0.001$).

Таблица 5

Частотность моделей в инпуте и их появление в детской речи

Модели	Речь взрослого	Речь ребенка
	Примеры наиболее частотных морфемных средств с указанием кол-ва производящих основ (<i>lemmas/tokens</i>)	Кол-во моделей (<i>lemmas/tokens</i>) и последовательность их появления (возраст)
Сущ. + суффикс	-к (диминутивы, 42/73); -к (стилистические модификаты, лица женского пола и пр., 23/48)	34/72; <i>мыш+к(a)</i> (2,3) <i>колен+к(a)</i> (2,3) <i>внуч+к(a)</i> (2,3)
Глагол + суффикс	-ø (22/35), -(e)ний (19/34), -к (10/20)	16/29; <i>бег+ун</i> (2,1), <i>гон+щик</i> (2,4), <i>прицеп+ø</i> (2,5), <i>сид/e+ниj(e)</i> (2,6)
Прил. + суффикс	-ость (5/5), -к (4/7), -иц (4/6)	4/4; <i>груз/ов+ик</i> (2,4), <i>больн+иц(a)</i> (2,10)

Таблица 6

Частотность семантических категорий (новые дериваты, %)

	Речь взрослого		Речь ребенка	
	<i>lemmas</i>	<i>tokens</i>	<i>lemmas</i>	<i>tokens</i>
Диминутивы	32	31	19	34
Действия/результаты	18	15	16	13
Инструменты	12	12	19	14,5
Абстрактные имена	8	5	1	1
Стилистические модификации имен	5	6	9	6
Агенсы	4,5	5	10	9
Локативы	4	7	9	8
Сингулятивы	4	4	4	5
Лица и зоонимы женского пола	3	3	3	1,5
Детеныши, птенцы	2	2		
Лица мужского пола	0,4	0,2	1	1
Объекты (проч.)	7	10	9	7

Вместо заключения

Анализ лонгитюдного корпуса спонтанной речи детей и их взрослых партнеров по диалогу показал, что в процессе усвоения морфемно богатого языка деривационные процессы начинают развиваться очень рано и это происходит главным образом в рамках одной части речи. В сфере производных имен существительных аффиксация предшествует словосложению, а материальная суффиксация — нулевой. Наиболее частотными оказываются дериваты, образованные суффиксаль-

ным способом от существительных (в чем мы видим обусловленность системно-языковой продуктивностью и модели, и способа). В освоении механизмов именной деривации наблюдается влияние инпута. Это подтверждается наличием статистически значимой корреляции «*input vs output*», свидетельствующей о том, что наиболее частотное в речи взрослых усваивается ребенком раньше. Степень семантической и морфемной сложности дериватов в детской речи увеличивается к концу периода наблюдений.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Основываясь на собственном дневнике наблюдений за речевым развитием сына, А. Н. Гвоздев обращает внимание на особенности первых производных слов, семантику их словообразовательных морфем и даже интонацию, с которой они произносятся, но с их увеличением в речи мальчика начинает фокусироваться на инновациях — «образованиях по аналогии» [2].

** Отдельные результаты исследования были представлены в научных докладах, сделанных в России и за рубежом (см., например, [3, 4, 16]).

*** Здесь и далее «[?]» отмечены словообразовательные инновации. По данным спонтанной речи, они единичны в сфере однокорневых дериватов (4 лексемы на более чем 20 тысяч словоупотреблений) и практически отсутствуют в сфере композитов [11, 15]. Окказиональные существительные построены по продуктивным моделям (диминутивной и агентивной) разной степени частотности. Детальный анализ детских инноваций по данным родительских дневников представлен в работах С. Н. Цейтлин (см., например, [8, с. 152–183, 285–315; 9, с. 41–91, 291–427]). Окказиональные композиты рассмотрены В. К. Харченко и Е. Г. Озеровой [7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. М.: Детство-Пресс, 2007. 480 с.
2. Гвоздев А. Н. Формирование у ребенка грамматического строя русского языка. Ч. 1. М.: АПН РСФСР, 1949. 268 с.
3. Казаковская В. В. Именное словообразование в речи моно- и билингвальных детей раннего возраста // Проблемы онтолингвистики — 2017: Освоение и функционирование языка в ситуации многоязычия: материалы международной конференции. Иваново: Листос, 2017. С. 93–96.
4. Казаковская В. В. Словообразовательная деривация на ранних этапах речевого онтогенеза (по данными спонтанной речи) // Проблемы онтолингвистики — 2018: материалы международной конференции. Иваново: Листос, 2018. С. 108–114.
5. Казаковская В. В., Сизова О. Б. Сложные слова в онтогенезе и дизонтогенезе: корпусные и экспериментальные исследования // Проблемы онтолингвистики — 2015: механизмы усвоения языка и становление речевой компетенции: материалы международной конференции. СПб.: ИЛИ РАН, 2015. С. 94–98.
6. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980. 789 с.

7. Харченко В. К., Озерова Е. Г. Сложные слова в детской речи. Белгород: Изд-во Белгородского ун-та, 1999. 160 с.
8. Цейтлин С. Н. Лингвистические этюды. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. 408 с.
9. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Языки славянской культуры, 2009. 750 с.
10. Юрьева Н. М. Проблемы речевого онтогенеза: производное слово, диалог. Экспериментальные исследования. М.: ИЯз РАН, 2006.
11. Argus R., Kazakovskaya V. V. Acquisition of compounds in Estonian and Russian: frequency, productivity, transparency and simplicity effect // *Eesti Rakenduslingvistika Uingu Aastaraamat [Estonian Papers in Applied Linguistics]*. 2013. Vol. 9. P. 23–42.
12. Clark E. Acquisition of derivational morphology // Lieber R., Stekauer P. (Eds.). *The Oxford Handbook of Derivational Morphology*. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 424–439.
13. Dressler W. U., Kilani-Schoch M., Ketrez N. (Eds.). *Nominal Compound Acquisition*. Amsterdam: John Benjamins, 2017. 310 p.
14. Gleason J. B. The child's learning of English morphology // *Word*. 1958. Vol. 14. P. 150–177.
15. Kazakovskaya V. V. Acquisition of nominal compounds in Russian // W. U. Dressler, M. Kilani-Schoch, N. Ketrez (Eds.). *Nominal Compound Acquisition [Language Acquisition and Language Disorders Series 61]*. Amsterdam: John Benjamins, 2017. P. 63–90.
16. Kazakovskaya V. V. Noun derivation in early Russian child speech (a case study) // *Когнитивные исследования [Cognitive Studies]*. Вып. 7. М.: Институт психологии РАН, 2017. С. 67–77.
17. MacWhinney B. *The CHILDES Project: Tools for Analyzing Talk*. 3rd ed. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2000. 418 p.
18. Nagy W. E., Diakidoy I.-A. N., Anderson R. C. The acquisition of morphology: learning the contribution of suffixes to the meanings of derivatives // *Journal of Reading Behaviour*. 1993. Vol. 25 (2). P. 155–170.
19. Protassova E., Voeikova M. Diminutives in Russian at the early stages of acquisition // Savickienė I., Dressler W. U. (Eds.). *The Acquisition of Diminutives. A Cross-Linguistic Perspective*. Amsterdam: John Benjamins, 2007. P. 43–72.
20. Snow C. E. Issue in the study of input: fine-tuning, universality, individual and developmental differences, and necessary causes // Fletcher P., MacWhinney B. (Eds.). *Handbook of child language*. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 180–193.

REFERENCES

1. Gvozdev A. N. *Voprosy izucheniya detskoj rechi*. М.: Detstvo-Press, 2007. 480 s.
2. Gvozdev A. N. *Formirovanie u rebenka grammaticheskogo stroya russkogo yazyika*. Ch. 1. М.: APN RSFSR, 1949. 268 s.
3. Kazakovskaya V. V. *Imennoe slovoobrazovanie v rechi mono- i bilingvalnyih detey rannego vozrasta // Problemy ontolingvistiki — 2017: Osvoenie i funkcionirovanie yazyika v situatsii mnogoyazyichiya: materialy mezhdunarodnoy konferentsii*. Ivanovo: Listos, 2017. S. 93–96.
4. Kazakovskaya V. V. *Slovoobrazovatel'naya derivatsiya na rannih etapah rechevogo ontogeneza (po dannymi spontannoj rechi) // Problemy ontolingvistiki — 2018: materialy mezhdunarodnoy konferentsii*. Ivanovo: Listos, 2018. S. 108–114.
5. Kazakovskaya V. V., Sizova O. B. *Slozhnyie slova v ontogeneze i dizontogeneze: korpusnyie i eksperimentalnyie issledovaniya // Problemy ontolingvistiki — 2015: mehanizmyi usvoeniya yazyika i stanovlenie rechevoj kompetentsii: materialy mezhdunarodnoy konferentsii*. SPb.: ILI RAN, 2015. S. 94–98.
6. *Russkaya grammatika*. T. 1. М.: Nauka, 1980. 789 s.
7. Harchenko V. K., Ozerova E. G. *Slozhnyie slova v detskoj rechi*. Belgorod: Izd-vo Belgorodskogo un-та, 1999. 160 с.
8. Tseytlin S. N. *Lingvisticheskie etyudy*. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2013. 408 s.

9. Tseytlin S. N. Oчерки po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi. M.: Yazyiki slavyanskoj kulturyi, 2009. 750 s.
10. Yureva N. M. Problemyi rechevogo ontogeneza: proizvodnoe slovo, dialog. Eksperimentalnyie issledovaniya. M.: IYaz RAN, 2006.
11. Argus R., Kazakovskaya V. V. Acquisition of compounds in Estonian and Russian: frequency, productivity, transparency and simplicity effect // Eesti Rakenduslingvistika Uhingu Aastaraamat [Estonian Papers in Applied Linguistics]. 2013. Vol. 9. P. 23–42.
12. Clark E. Acquisition of derivational morphology // Lieber R., Stekauer P. (Eds.). The Oxford Handbook of Derivational Morphology. Oxford: OUP, 2014. P. 424–439.
13. Dressler W. U., Kilani-Schoch M., Ketrez N. (Eds.). Nominal Compound Acquisition. Amsterdam, 2017. 310 p.
14. Gleason J. B. The child's learning of English morphology // Word. 1958. Vol. 14. P. 150–177.
15. Kazakovskaya V.V. Acquisition of nominal compounds in Russian // W. U. Dressler, M. Kilani-Schoch, N. Ketrez (Eds.). Nominal Compound Acquisition [Language Acquisition and Language Disorders Series]. Amsterdam: John Benjamins, 2017. P. 63–90.
16. Kazakovskaya V. V. Noun derivation in early Russian child speech (a case study) // Kognitivnye issledovaniya [Cognitive Studies]. Vol. 7. M.: Institut psihologii RAN, 2017. P. 67–77.
17. MacWhinney B. The CHILDES Project: Tools for Analyzing Talk. 3rd ed. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2000. 418 p.
18. Nagy W. E., Diakidoy I.-A. N., Anderson R. C. The acquisition of morphology: learning the contribution of suffixes to the meanings of derivatives // Journal of Reading Behaviour. 1993. Vol. 25 (2). P. 155–170.
19. Protassova E., Voikova M. Diminutives in Russian at the early stages of acquisition // Savickienė I., Dressler W. U. (Eds.). The Acquisition of Diminutives. A Cross-Linguistic Perspective. Amsterdam: John Benjamins, 2007. P. 43–72.
20. Snow C. E. Issue in the study of input: fine-tuning, universality, individual and developmental differences, and necessary causes // Fletcher P., MacWhinney B. (Eds.). Handbook of child language. Oxford: OUP, 1995. P. 180–193.

С. В. Краснощекова

ДЕЙКТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДЕТЬМИ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ И НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00650
«Семантические категории в грамматическом строе русского языка»

В статье рассматривается использование детьми отрицательных и неопределенных местоимений и анализируются эффекты, связывающие кванторные местоимения с областью дейксиса. Кванторные отрицательные и неопределенные местоимения в детской речи не имеют прямой связи с дейксисом, однако в некоторых случаях смыкаются с дейктическими и демонстрируют определенные дейктические эффекты. Связь с дейксисом прослеживается при употреблении эгоцентрических неопределенных местоимений со значением «известный говорящему» и отрицательного наречия «никак» на ранних этапах развития речи, а также в высказываниях с местоимением «какой-то», функционально близким к указательному «такой». Кроме того, периодизации освоения дейктических и кванторных местоимений имеют общие точки: приблизительно совпадают возрастные границы этапов.

Ключевые слова: детская речь, освоение языка, местоимения, дейксис, отрицательные местоимения, неопределенные местоимения.